

Моск. правда. — 1990. — 16 янв.

С Молдаванки на Таганку

Гастроли израильского
национального театра
«Габима» в Москве

Удивительное было это время — 1917 год. Еще шла изнурительная война с Германией, Февральская революция, не оправдав надежд народа, только обострила революционную ситуацию в стране. Россия бурлила, кипела, приближаясь к великой дате — 25 октября. Именно в это время тридцатилетний учитель из Белостока Нахум Цемах приходит к мысли о необходимости создания национального еврейского театра на языке иврит. К. С. Станиславский дает согласие принять под свое крыло как одну из студий Художественного театра молодую труппу, взявшую наименование «Габима» («Сцена»), и поручает ее заботам Евгения Вахтангова. Так в бурном революционном 1917 году в Москве начинается свой творческий путь сегодняшний израильский национальный театр города Тель-Авива, и поныне носящий свое первоначальное имя — «Габима».

Десять первых лет театр жил и работал в Советской России, завоевав широкое признание зрителей, прессы, театральной общественности своими талантливыми спектаклями, среди которых самым выдающимся был «Дибук» С. Ан-ского (на наших афишах он именовался «Гадибук») в постановке Евг. Вахтангова с Ханой Ровиной — будущей великой израильской актрисой — в главной роли Леи. А в 1926 году «Габима» уехала на гастроли по Европе и Америке, после которых в 1931 году навсегда обосновалась на земле Израиля. Более 400 спектаклей было поставлено на сцене «Габимы» за семь десятилетий, и среди них всегда присутствовали произведения русской классики и советских авторов — Гоголь, Чехов, Л. Толстой, Достоевский, Бабель, Симонов. Театр никогда не забывал своих истоков.

И вот сегодня, спустя более шести десятков лет, «Габима» снова в Москве, играет на сцене Театра на Таганке, и по неисповедимым путям судьбы мы смотрим в исполнении израильских артистов «Закат» И. Бабеля, поставленный в 1986 году Юрием Любимовым, отныне вновь главным режиссером Театра на Таганке, а тогда, в год постановки «Заката» в Тель-Авиве, человеком, лишенным советского гражданства, режиссером без собственного театра, кочующим по европейским сценам согласно подписанным контрактам.

Для московских зрителей «Закат» — название не новое. В Театре имени Вл. Маяковского идет яркий, зрелищный «Закат» в постановке А. Гончарова, трагический и остро комедийный в одно и то же время; на сцене Театра имени Евг. Вахтангова режиссер А. Кац создал свой вариант произведения Бабеля в жанре мюзикла; тоже музыкальный спектакль целый сезон увлеченно, я бы даже сказала, лихо, играли выпускники ГИТИСа, студенты курса Г. Ансимова.

«Закат» Ю. Любимова в «Габиме» не похож ни на один из них. В нем никто не смеется, не поет и не пляшет веселья ради. Даже свадьба Двойры напоминает скорее поминки, поминки по распотанному сыновьями Менделю Крику (Йоси Поляк), который, в последний раз схватившись за оглобли, тяжело падает всем своим грузным телом на свадебный стол, чтобы никогда больше не подниматься. Когда же за спинами свадебных гостей раздвигается черный задник, сцену озаряет кроваво-красный отсвет багрового неба с двумя застывшими у самого горизонта солнечными дисками — зловеще-алым слева и тревожно-голубым справа (художник Йосеф Екерсон, художник по свету Натан Пантурин).

В этом кровавом отсвете — трагическое предчувствие, предупреждение грядущих бед, краха множества человеческих судеб, подобных героям «Заката». Отсюда и весь драматический, не склонный к веселью общий настрой спектакля, и эти то резкие, то протяжные, всегда с надрывом, с тревогой звучащие песни под гитару в исполнении Ханы Рот. При этом по внешней своей форме спектакль кажется таким традиционным, таким обыденно-бытовым и потому настолько непохожим на все, что делал на сцене Театра на Таганке Ю. Любимов, что если бы на программке не стояла его фамилия, было бы, пожалуй, трудно догадаться, кто автор этой постановки.

«Леопард» Я. Шабтая в режиссуре Ханана Снира в отличие от «Заката» весь словно пронизан солнцем и чистым дыханием моря, а золотой песок, по которому легко ступают босые ноги Рухамы (Хаңа Рот), так и манит к бездумному, беспечному отдыху под веселым красным тентом маленького приморского кафе (декорации Яэль Пардес, художник по свету Н. Пантурин). Только, увы, наслаждение солнцем, морем и золотым песком не для тех, кому выпала доля ежедневной борьбы за горький кусок эмигрантского хлеба, как владельцам кафе Ноаху (Нахум Бухман) и его жене Шошане (Ривка Гур), как потерявшей надежду и веру Рухаме и многим подобным им. Лишь полный энергии Пинец (Йоси Банай) — немножко Дон Жуан, немножко Дон Кихот — витает до поры в облаках, как заигравшийся младенец. А жизнь неумолима, жестока и беспощадна. И нелепая смерть Пинца смыкает в своей трагической развязке озаренный кровавым светом финал «Заката» с солнечной яркостью «Леопарда».

Просто, безыскусно, не прибегая к усложнениям современного сценического языка, «Габима» говорит со своим зрителем о проблемах вечных и никогда неисчерпаемых — о человеке, непредсказуемых порывах его души, таинстве любви, естественности смерти. Но если человек страдает, если горят у него под ногами и золотой песок, и булыжная мостовая, то не все ли равно — будет это дореволюционная одесская Молдаванка или берег священной для еврея земли обетованной.

Кому-то нарочитая традиционность, даже старомодность театральной эстетики спектаклей «Габимы» может показаться скучным вчерашним днем, лишенным современной изобретательности и выдумки, но и в этом тоже видится мне возвращение театра к своим истокам, к спектаклям, поставленным когда-то на его сцене Евгением Вахтанговым и Алексеем Диким, Михаилом Чеховым и Борисом Вершиловым, Александром Грановским и Борисом Сушкевичем, к тем первым годам серьезного ученичества, постижения глубин русского реалистического искусства, которые сделали «Габиму» сегодняшним всемирно известным национальным театром.

Как писал Омри Ницан, художественный руководитель театра, «русский акцент исчез со сцены «Габимы», а к русской театральной традиции присоединились другие, но вклад русского театра нам особенно дорог. Он постоянно оказывает огромное влияние на наше творчество».

Ежевечерне переполненный зрительный зал, неизменный вопрос о лишнем билете, звучащий на платформе станции метро «Таганская», овации и цветы актерам стали лучшими свидетельствами полного взаимопонимания «Габимы» и московских зрителей, сердечного диалога двух народов, двух культур. Взаимопонимания, особенно нужно нам сегодня.

Н. БАЛАШОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Закат».

Фото А. СОРКИНА.